

Юнона БЕЛОВА

Игрушка Жестокого Мажора.

Ты заставил меня мыть полы,
а теперь проиграешь мне!

Юнона Белова

**Игрушка жестокого мажора.
Ты заставил меня мыть полы,
а теперь проиграешь мне!**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Игрушка жестокого мажора. Ты заставил меня мыть полы, а теперь проиграешь мне! / Ю. Белова — «Автор», 2026

Вера приехала в университет за мечтой: стать чемпионкой по шахматам и сохранить стипендию. Но одна подстроенная фотография превращает талантливую студентку в мошенницу. Богатая соперница Кира празднует победу, а жестокий капитан команды Артём Соколов лишает Веру права играть и заставляет мыть полы в клубе. Они уверены: провинциалка сломается. Только Вера знает, что даже пешка способна стать ферзём. Пока Артём расставляет новые ловушки, рядом оказывается Денис — единственный, кто готов рискнуть собственным будущим ради правды. Впереди решающая партия, публичное разоблачение и выбор между опасным притяжением к властному наследнику и настоящей любовью. На кону не только титул, но и её свобода и достоинство.

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юнона Белова

Игрушка жестокого мажора. Ты заставил меня мыть полы, а теперь проиграешь мне!

Глава 1

Пальцы свело судорогой, но я не позволила себе помассировать запястье. Это была бы слабость. А сейчас, когда по залу элитного шахматного клуба «Гроссмейстер» плыли запахи дорогого кофе и чужого парфюма, мне нужна была стальная выдержка стипендиата из провинции.

Я сидела за доской напротив нейтрального игрока, студента-второкурсника, который уже начал потеть. Моя фигура — белый конь на f3 — висела над его позицией как дамоклов меч. Ещё три хода, и он сдастся. Чистая победа. Право на финал. Стипендия сохранена. Папина гордость оправдана.

— Задержалась, — раздался голос за спиной. Тихий, сладкий, отравленный ядом.

Кира Лаврова. Дочь главного мецената университета, королева нашего курса и мой личный кошмар. Она стояла у соседнего стола, небрежно крутя в пальцах золотую булавку с эмблемой клуба.

— Подозрительные паузы, Вера, — продолжила она, повышая голос ровно настолько, чтобы слышали ближайšie пять столов. — Ты ведь знаешь, что в этом зале нет шпаргалок? Или ты используешь наушники? Или кодированные сообщения от тренера?

Я уже взяла коня для хода; теперь держала его над доской, не решаясь поставить. Зал гудел, как растревоженный улей. Я почувствовала, как к щекам приливает жар. Если я отвечу, они решат, что я нервничаю. Если промолчу — примут за подтверждение вины.

«Не слушай», — приказала я себе. «Смотри на доску».

Я опустила коня. Быстро. Слишком быстро.

— Нервная торопливость виновных всегда заметна, — хмыкнула Кира, склонившись ближе к столу. Её тени легли на мою доску, искажая линии поля.

И тут судья поднялся. Не просто так. Кира достала телефон и развернула экран в сторону официальных лиц. На фото была я, беседующая с судьей за кулисами полчаса назад. Только вот мы говорили о расписании партий, а не о подкупе. Но ракурс был выбран такой, будто я совала ему конверт.

— Требую проверить оригиналы и видеозапись зала, — сухо произнесла Кира.

Я открыла рот, чтобы сказать правду: «Это монтаж, посмотрите время метки!»

Но прежде чем я успела издать звук, передо мной выросла тень. Артём Соколов. Капитан команды, сын основателя, человек, который считал людей фигурами на своей личной доске. Он даже не смотрел на Киру. Его глаза, холодные и пустые, скользнули по мне.

— Время судьи дороже времени стипендиата, — сказал он. Голос был бархатным, но режущим. — Продолжайте проверку. Партия приостановлена.

Он кивнул судье. И этот жест стал могилой для моей надежды. Легитимизация лжи. Фаворитизм в чистом виде.

— Вера, не отвечай им, — послышался шепот сбоку. Денис Орлов, второй игрок нашей команды, молчаливый защитник, которого все недолюбливали за честность. Он шагнул между мной и толпой зевак, загораживая обзор. — Просто жди. Система сама всё увидит.

Жди? Пока меня публично разносят в щепки?

Что-то внутри меня сорвалось. Не разум, а инстинкт самосохранения, превращенный в агрессию. Я вывернулась из-под руки Дениса, встала и посмотрела прямо в глаза Артёму.

— Вы знаете, что это ложь! — крикнула я. Звук сорвался хриплым, некрасивым визгом. — Вы используете её, чтобы сломать меня! Потому что я могу обыграть вас обоих!

Зал замер. Даже Кира перестала улыбаться.

Артём даже не моргнул. Он смотрел на меня так, как энтомолог смотрит на муху, которая бьется в паутине. С досадой. Со скукой.

— Перерыв десять минут, — объявил он. — Игроку Вере запрещено покидать зону стола до окончания проверки.

Он лишил меня возможности завершить игру под давлением. Оставил результат незафиксированным, спорным, мусорным.

Я не села. Стояла у своего стола, пока судья сверял протоколы, и чувствовала на себе десятки взглядов. Капитан ушёл к судейскому столу обсуждать мою судьбу — не спрашивая меня.

Десять минут превратились в вечность. Когда нас наконец вернули к партиям, атмосфера в зале стала густой, как кисель. Я играла в защите, ожидая удара в спину. Каждый ход противника казался ловушкой.

Кира, наблюдая за моей игрой с другого конца зала (она уже завершила свою партию победой), начала комментировать вслух, будто диктуя репортаж для YouTube.

— Опять колебание. Секундная заминка. Она не знает правил, она их покупает. Видите, как дрожат руки? Это не страх перед поражением. Это страх перед разоблачением.

Я видела завершающий удар: после жертвы ладьи линия для ферзя уже была открыта. Красиво. Элегантно. Но если я сделаю этот ход, Кира скажет, что я специально затянула время, чтобы просчитать подвох. А если не сделаю...

Время шло. Моё сердце колотилось где-то в горле. Я боялась сделать шаг, потому что любой шаг теперь был преступлением.

— Она боится, — прошипела Кира громче. — Прячется за правилами, которых у неё нет.

Зал взревел гулом неодобрения. Кто-то хлопнул в ладоши саркастично. Я чувствовала себя голой посреди зимы.

Рука дрогнула. Ферзь вышел на h6. Мат. Судья записал результат и подписал протокол партии.

Тишина. Абсолютная, звенящая тишина. Противник поднял руки в знак сдачи.

Я выиграла. Чисто. По всем правилам.

Но аплодисментов не было. Было только презрение, липкое и тяжелое, как смола.

Артём подошел к моему столу. Шаги глухие, уверенные. Он протянул руку и забрал мои шахматные часы. Те самые, старенькие, механические, которые мне подарил отец перед смертью. Я играла на них с разрешения судьи. Теперь Артём держал их за металлический корпус, словно обычную вещь, которую можно изъять и забыть.

— Верните протокол, — потребовал он, не глядя на меня.

— Я выиграла, — мой голос звучал чужим. — Посмотрите на доску. Мат.

— Победа аннулирована, — сказал он. — Нарушение этического кодекса. Психологическое давление на соперника через провокации со стороны третьих лиц... то есть вами инициированные.

— Такого пункта нет в правилах! — выпалила я.

— Есть в моих стандартах, — ответил Артём. Он повернулся к судье. — Лишить участницу Веру права на участие в финальном туре. Ущерб репутации клуба оценить в размере годовой стипендии.

Судья подвинул ему бланк. Артём подписал его своей перьевой ручкой, зацепив пальцем свежие чернила. На коже осталось синее пятно.

Это не был спортивный вердикт. Это была личная казнь.

Протокол ушёл к судье. Я медленно собрала фигуры в коробку, отгоняя мысль, что это последняя партия, которую мне позволили доиграть. Зал начал расходиться к выходу, и я двинулась следом — ноги шли, пока голова ещё не верила.

Я попыталась уйти. Голова высоко, спина прямая, как струна. Я шла к выходу, чувствуя, как на меня смотрят десятки глаз. Но охрана клуба, обычно незаметная, словно выросла из пола.

— Пропуск, девушка.

Я остановилась. Рюкзак давил на плечи. Там лежали книги отца, тетради с анализами партий, моя жизнь, собранная в одном мешке.

Студенты начали собирать вещи со столов. Не злобно. Равнодушно. Как мусор после концерта. Кто-то аккуратно сложил мою шахматную доску, кто-то небрежно швырнул стул.

— Оставьте рюкзак, — приказал охранник.

— Это мои личные вещи! — я схватилась за лямки.

Артём возник рядом. Так внезапно, что я не услышала шагов. Он выхватил рюкзак из моих рук одним резким движением. Мне показалось, что он вырвал кусок кожи вместе с ним.

Он швырнул его в угол зала. Тяжелый удар. Книги отца рассыпались по грязному полу, страницы зашуршали, как крылья умирающих бабочек.

— Предатели не имеют права носить эмблему университета, — произнес Артём, и его голос разнесся по всему залу. — Выметайтесь.

Публичное посрамление было завершено. Меня не просто исключили. Меня стерли.

Я подняла последнюю книгу и обнаружила, что стою одна посреди опустевшего зала. Рюкзак лежал в углу разорванный, страницы отцовских тетрадей топтались чужими ботинками. Выметайтесь — а выхода не было.

К выходу меня так и не выпустили: охранник велел дожидаться распоряжения капитана. Я собрала книги и потянулась за рюкзаком, но он забрал всё со словами «до окончания проверки». Телефон оставался во внутреннем кармане.

Зал опустел. Остались только уборщики, начинающие свой вечерний рейд, и мы. Я стояла посреди пустого пространства, дрожа. Холод пробирал до костей, хотя отопление работало на полную мощность. Страх и стыд смешались в один коктейль, от которого хотелось блевать.

Артём остался. Он не ушел. Он стоял в трех метрах от меня, прислонившись к колонне, скрестив руки на груди. Смотрел. Изучал.

Я ждала удара. Словесной пощёчины. Крика. Любого подтверждения того, что он считает меня врагом.

Но он молчал. Долго. Настолько долго, что я начала задыхаться от тишины.

— Ваша игра была лучше всех остальных, — вдруг сказал он. Тихо. Почти нежно.

Я подняла глаза. В его взгляде не было злости. Там была странная, почти болезненная одержимость.

— Почему? — прошептала я.

— Потому что ты умная. И потому что ты одинокая. Это редкое сочетание, которое легко сломать, но сложно забыть.

Он сделал шаг ко мне. Потом еще один. Я попятилась, упёршись спиной в стену.

— Ты потеряла право на финал, — продолжил он, нависая надо мной. Его запах — дорогой табак и холодный металл — заполнил мои легкие. — Но ты можешь вернуть место в клубе.

— Как? — спросила я, не понимая.

— Работай. Уборщицей. В этом зале. Каждый день. Чтобы «отмыть репутацию». Чтобы оплатить ущерб, который нанесла своими скандалами. Если откажешься — отчисление следует автоматически. Без права апелляции.

Это не была месть. Это была сделка. Грязная, циничная, расчетливая.

Он хотел держать меня рядом. Не как равную. Не как соперницу. А как сломанную игрушку. Как трофей, который можно рассматривать каждый вечер, проверяя, не ржавчина ли появилась на блестящих частях.

Значит, ему мало было выбросить меня из клуба. Он хотел, чтобы я сама возвращалась сюда, к нему, с ведром в руках. Ему нужно было не мое поражение, а мое унижение, ставшее привычкой.

Он взял у проходившей уборщицы тряпку. Серую, влажную, пахнущую хлоркой. Протянул её мне, затем поднял её ведро с грязной водой за дужку и подал.

Я взяла его. Пальцы коснулись его пальцев. Он не отдернул руку.

— Начни с углов, гроссмейстер, — шепнул он.

Этот шепот звучал громче любого свистка судьи, громче любых обвинений Киры.

Я посмотрела в воду. В мутном отражении я увидела свое лицо. Искажённое, чужое, бледное. Но живое. Глаза горели тем самым огнем, который он пытался потушить, но лишь раздул.

Я сжала край ведра. Вода плеснула на руки. Холодная. Реальная.

Первый ход сделан.

Глава 2

Запах хлорки въедался в ноздри, заменяя собой вкус жизни. Я сжимала швабру так, что костяшки пальцев побелели, превращаясь в маленькие, уродливые узлы под тонкой кожей. В этом зале я была не студенткой-стипендиаткой, не гением тактики, не человеком. Я была пятном, которое нужно оттереть.

Тренировка команды только закончилась. Стулья скрипели по паркету, голоса смешивались в гулкий аккорд разочарований и побед. Я держалась тени, двигаясь вдоль стены, стараясь стать частью обоев. «Не смотри им в глаза. Не дыши громко. Просто убери».

Но Кира Лаврова никогда не упускала возможности потрогать живое.

Она стояла у окна, вертя в руках телефон, и её блондинистые кудри ловили остатки дневного света. Когда мои ботинки предательски закрипнули о пол, она развернулась. На полу, прямо перед моими ногами, растекалась темная лужа кофе. Горячая, липкая, унижительная.

— Ой, — протянула Кира, и это «ой» было наполнено ядом сладких конфет. — Прости, Вера. Я забыла, что уборщицы тут новые. Ты ведь любишь чистоту? Или ты слишком занята тем, чтобы вылизывать репутацию своего господина?

Игроки замерли. Тишина стала осязаемой, тяжелой, как мокрая шерсть. Все смотрели на меня. Ждали слез. Ждали истерики. Ждали того самого момента, когда жертва ломается.

Я посмотрела на лужу. Потом на Киру. Ее глаза сияли торжеством хищника, который загнал дичь в угол.

Мои руки дрогнули, но я заставила себя вдохнуть запах химии. Глубоко. До боли в легких.

— Это только кофе, — произнесла я ровным голосом, который, казалось, принадлежит кому-то другому. — Мне нужно убрать его, пока не затёк в щели паркета. Иначе вам будет дороже менять покрытие, чем покупать новый стаканчик.

Кира прищурилась, ожидая, что я продолжу спор. Вместо этого я поставила швабру у стены, присела и вытерла лужу. На мокрых досках расплывалось отражение моего лица. Аудитория потеряла интерес. Скука — лучшее оружие против буллинга. Но внутри меня кипела лава, сжигая всё, кроме злости.

Смена в зале закончилась, работа — нет. Лава никуда не делась: она ехала со мной в ведре с грязной водой, через коридоры, в новую униформу, в новые отводящиеся глаза.

Вечер опускался на город, затягивая небо свинцовыми тучами. Я мыла полы в коридоре общежития клуба. Мимо проходили студенты. Раньше они здоровались со мной, спрашивали совета по дебютам. Теперь они отводили взгляд, будто я была прокажённой или привидением.

— Извини, — пробормотал кто-то, проходя мимо, и это было даже хуже молчания. Это была жалость к мусору.

Я остановилась, опершись на швабру. Руки горели от холода воды. В кармане моей старой куртки, которую мне разрешили оставить как единственную одежду вне униформы, что-то впилося в бедро. Маленькое, твердое.

Я достала фигуру. Черный конь. Я подобрала его среди своих рассыпанных книг в первый день, когда меня вышвыривали из зала. Конь был без головы — трещина прошла через шею. Идеальный символ моего положения. Но я сжала его в кулаке, чувствуя грани. Он был мой. Единственная вещь, которая помнила мои пальцы, когда я побеждала.

Эта крохотная фигурка стала якорем. Пока я чувствовала ее холодный вес, я была не просто прислугой. Я была шахматисткой, временно лишенной права хода.

Часы на стене пробили десять, когда я перешла из жилого коридора в главный зал — вечерняя уборка сменялась ночной. Чёрный конь лежал в кармане куртки, гранями впинаясь в бедро с каждым шагом.

Ночь. Главный зал пустовал, погруженный в синеву уличных фонарей. Я протирала столы, где днем сидели короли академии. Здесь пахло дорогим табаком, кожей и властью.

Голоса раздались раньше, чем шаги. Они шли из угла, где обычно проводили закрытые совещания. Я замерла, инстинктивно прячась за массивную колонну. Сердце заколотило в висках, отдавая в уши.

— Она не подаст апелляцию, если будет бояться тебя больше, чем справедливости, — голос Артёма Соколова был низким, бархатным и ледяным. Тот самый тон, которым приказывали убивать.

— Она уже сломана, Артем, — ответила Кира, и в ее голосе звенело нетерпение. — Посмотри на нее. Она моет полы, которые сама же когда-то считала священными. Её самоуважение — это пыль. Нужно просто подуть.

— Пыль оседает, Кира. Нам нужно, чтобы она исчезла. Перед финалом. Если она вдруг решит, что ей нечего терять, она станет опасной.

— Она трусиха.

— Трусы опаснее героев, потому что у них нет правил, — Артём сделал паузу. Я услышала, как шелкнула зажигалка. — Завтра я увеличу её нагрузку. Пусть спит по два часа. Пусть забудет, как ходят фигуры. Пусть станет удобной мебелью.

Я прижалась щекой к холодному камню колонны. Боль обожгла кожу, но она была реальнее, чем их слова.

Впервые за эти дни я увидела его не как бога, карающего грешников, а как человека. Испуганного человека. Артём Соколов не ненавидел меня за проигрыш. Он ненавидел меня за то, что я видела его игру насквозь. За то, что моя тишина была громче его криков. Его жестокость была не силой, а паникой. Он боялся потерять контроль над доской, и поэтому пытался сломать игрока.

«Зеркало», — мелькнула мысль. «Он смотрит в меня и видит свою слабость».

Я добралась до своей комнаты только перед рассветом, не разгибая спины. Слова за колонной крутились в голове вместо сна: пыль, зеркало, удобная мебель. Страх никуда не делся, но теперь рядом с ним сидел холодный, внятный расчёт.

Утро началось с запаха плесени и страха. Мистер Громов, администратор клуба, встретил меня у служебного входа. Его лицо было красным от праведного гнева, а в руках он сжимал список.

— Верушка, — растянул он слово, как ругательство. — Исчезли три баллона спецсредств для очистки ковров. Ты знаешь, сколько стоит этот запас? Твоя стипендия не покроет и половины штрафа.

Сотрудники кухни перестали резать овощи. Все смотрели на меня. Ждали, как я заплачу, как начну оправдываться, как буду умолять.

Страх сковал горло. Деньги были всем. Без них я не смогла бы есть, не смогла бы жить здесь. Но гнев, накопленный за ночь, выжег страх дотла.

Я медленно поставила ведро. Вынула из кармана блокнот, который носила вместо телефона (смартфон отобрали). Открыла страницу с четкими таблицами.

— Три баллона использованы вчера вечером, — сказала я тихо, но четко. — Для обработки пятна от красного вина после банкета меценатов. Отметка в журнале учёта, страница двенадцать, подпись дежурного смены, ваше имя в графе «утверждение», — я протянула ему тетрадь.

Громов взял блокнот. Его пальцы затряслись. Он листал страницы, его лицо бледнело, уступая место пунцовому стыду. Он знал, что там всё правильно. Он хотел наказать, но попал в ловушку собственной лени.

— Это... ошибка, — буркнул он, захлопывая блокнот. — Иди работай.

Он ушел, не глядя на меня. А я осталась стоять посреди кухни, чувствуя, как впервые за неделю воздух снова стал пригодным для дыхания. Маленькая победа. Крохотная, но моя.

Я вышла с кухни, не дождавшись оваций — их, конечно, не было. Коридор до подсобки показался длиннее обычного: сотрудники возвращались к своим ножам, а я несла тетрадь учёта и странное, невыносимое чувство, что впервые за неделю сыграла партию на равных.

Перерыв между сменами длился двадцать минут. Я сидела в подсобке, на перевернутом ящике. Передо мной лежал сухой бутерброд с колбасой, серой и невкусной. Я жевала механически, глядя в стену, покрытую облупившейся краской.

Дверь скрипнула. Я вздрогнула, рефлекторно пряча еду за спину, словно совершала преступление.

В подсобку вошел Денис Орлов. Второй игрок команды. Молчаливый, высокий, с глазами цвета морской волны. Он нес швабру, чтобы заменить мою сломанную.

Мы замерли. Воздух стал густым. Денис не смеялся. Не шутил. Он просто смотрел на меня, и в его взгляде не было жалости, только тихая, спокойная боль узнавания.

Он подошел ближе, положил швабру в угол и достал из рюкзака термос. Поставил его рядом со мной. Затем снял свою теплую куртку и набросил мне на плечи. Ткань пахла мужским одеколоном и сигаретами, и от этого тепла у меня перехватило дыхание.

— Какао горячее, — сказал он хрипло.

Я подняла глаза. Денис наклонился, опираясь руками о колени, чтобы быть на одном уровне со мной.

— Вера, — он произнес мое имя так, будто оно было заклинанием. — Твоя пешка была сильна в конце партии. Не давай им превратить тебя в мат.

Его пальцы коснулись моей щеки, убирая выбившуюся прядь волос. Прикосновение было легким, почти эфирным, но оно ожгло. Впервые кто-то видел во мне не ошибку системы, а человека. Не инструмент наказания, а равного.

Слезы подступили к горлу, но я сглотнула их. Я взяла термос, налила какао в крышку и обхватила её ладонями. Горячие глотки разгоняли холод.

— Спасибо, — прошептала я.

Денис улыбнулся уголками губ, коротко, грустно, и вышел. Оставив мне куртку, какао и надежду.

Глава 3

Я хотела вернуть куртку. Поблагодарить. Сказать, что я слышу его. Я выскочила в коридор, но Дениса уже не было. Он ушел на тренировку.

Я побежала следом, игнорируя запреты. Вход в игровой зал был строго запрещен для персонала во время занятий. Но ноги несли меня сами.

Дверь была приоткрыта. Я проскользнула внутрь, прижавшись к стене.

Артём Соколов играл. Против него сидел новичок, парень из младших курсов. Артём делал ходы быстро, уверенно, словно дирижер оркестра. Его ферзь атаковал центр, конь угрожал флангу. Новичок потел, нервно теребил воротник рубашки.

Я наблюдала. Мой мозг, привыкший анализировать позиции, начал работать сам собой. Ход за ходом. Варианты. Ответы.

И тут я увидела.

Артём сделал блестящий ход ладьей, создавая иллюзию неотвратимой атаки. Зал затаил дыхание. Но я знала эту схему. Ловушка из сицилианской защиты. Она работала на новичков. Работала на толпу. Но против того, кто видел глубину доски, это была ловушка для самого играющего.

Если новичок сейчас пожертвует пешку, он вскрыет диагональ и поставит мат в три хода.

Артём вдруг сбился с ритма. Неужели тоже увидел ответ? Его рука зависла над доской. Он не мог сосредоточиться. Почему? Потому что в зале стало слишком тихо. Потому что кто-то смотрел на него не снизу вверх, а «сквозь» него.

Он медленно повернул голову.

Его глаза нашли мои.

Это заняло секунду, но показалось вечностью. В его взгляде не было ярости. Не было презрения. Там было узнавание. Холодный, пронизывающий ужас человека, который понял, что его маска треснула.

Он прочитал в моих глазах то, что я видела: его слабость. Его страх. Его одиночество на вершине, куда никто не хочет лезть, кроме меня.

Артём встал. Медленно, тяжело, как статуя, ожившая против воли создателя. Он направился ко мне. Каждый шаг звучал как удар колокола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.